

Н.И. ЗИБЕР КАК КАБИНЕТНЫЙ ЭКОНОМИСТ-АНТРОПОЛОГ¹

Данила Евгеньевич РАСКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: d.raskov@spbu.ru

Зибер известен, прежде всего, как талантливый интерпретатор Рикардо и Маркса. Однако в его интеллектуальной биографии особое место занимает вторая значимая работа, которая еще не в достаточной степени осмыслена с современных позиций. Это «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) – более чем 500-страничный трактат, созданный Зибером во время второго этапа своей жизни – эмиграции в Швейцарию. В статье делается попытка оценить эту работу, ответив на следующие вопросы: Каков вклад Зибера в экономическую антропологию? Какое место он может занять в дискуссиях, которые позднее велись в рамках экономической антропологии? Что понимает Зибер под экономической культурой? К каким обобщениям он пришел и какими методами пользуется? Насколько комплексно Зибер подошел к изучению и обобщению материала по истории, праву, социуму и экономике? Что дают для понимания трактата обстоятельства его создания и общая биография Зибера?

В статье показано, что Зибер может быть охарактеризован как кабинетный ученый. Наиболее близко к нему можно поставить Марсея Мосса. Зибер, умело используя многочисленные свидетельства, воссоздает элементы экономической культуры первобытного общества, которые в остаточной форме сохраняются и в более поздних цивилизациях и даже присутствуют в современности. На конкретных примерах становится понятным, что Зибер отходит от эволюционного подхода, столь модного в XIX в., и мастерски описывает институты и структуру отношений труда, производства, потребления и перераспределения. Особое внимание уделено его взглядам на кооперацию, дар и собственность. Тем самым Зибер как заполняет лауну в марксистском учении, так и намечает важные обобщения, которые впоследствии сформируют такую область знаний, как экономическая антропология.

Ключевые слова: Н.И. Зибер; кабинетный ученый; экономическая антропология; первобытное общество; дар; кооперация; собственность

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41003 «Переопределяя классическую политическую экономию: Николай Иванович Зибер, русский и швейцарский экономист и социолог».

N.I. SIEBER AS AN ARMCHAIR ECONOMIC ANTHROPOLOGIST

Danila E. RASKOV,

Cand. Econ., Associate Professor,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: d.raskov@spbu.ru

Sieber is known primarily as a talented interpreter of Ricardo and Marx. However, in his intellectual biography there is the second significant contribution that hasn't been adequately discussed from modern positions yet. Sieber wrote his «Essays on the Primitive Economic Culture» (1883) (more than five hundred pages treatise) during the second phase of his life – emigration to Switzerland. The article attempts to evaluate this work, answering the following questions. What is the contribution of Sieber to the economic anthropology? What is the place of Sieber in classical discussions that took place within the framework of economic anthropology? What Sieber meant by economic culture? What are the results he has come to and what are the methods he used? How Sieber studied the synthesis of history, law, society and the economy? What is the additional value of his biography in capturing Sieber's ideas?

The paper shows that Sieber can be described as an armchair scholar. Marcell Mauss is the closest example. Sieber examines the elements of the economic culture of primitive society, skilfully using multiple eyewitnesses. He is focusing also on the archival residuals in later civilizations and even in the present. The cases provided by Sieber made think he is not so close to an evolutionary approach, so fashionable in the nineteenth century. He describes the institutions and the structure of labor relations, production, consumption and redistribution. Particular attention is paid to his views on cooperation, gift and property. Thus, Sieber fills the gap in the Marxist doctrine as well as he outlines the important generalizations, that in the twenties century formed the new discipline of economic anthropology.

Keywords: *N.I. Sieber; armchair scholar; economic anthropology; primitive society; gift; cooperation; property*

Acknowledgements: *This publication was prepared in the framework of a project of the Russian Foundation for Humanities No 16-23-41003 «Redefining the classical political economy: Nikolay Ivanovich Sieber, Russian and Swiss economist and sociologist».*

JEL classifications: *B12, B14, B31, Z13*

Введение

Постановка вопроса может вызвать недоумение. Можно ли отнести часть наследия Н.И. Зиберы к тому направлению знания – экономическая антропология, которой в XIX в. еще не существовало? Тем не менее, такая постановка вопроса имеет большее право на существование, чем вопрос о том, принадлежал ли тот или иной мыслитель XVII в. к меркантилизму, который появился позже вместе с критикой «меркантильной системы» А. Смита. Разумеется, Зибер не мог сам себя отождествить с этим направлением, но важно оценить насколько его поиски согласуются с дальнейшим развитием экономической антропологии.

На первых этапах экономическая антропология изучала экономику дикарей и обществ, в которых еще не были развиты рыночные отношения. Как правило, это были племена и народы, еще не имеющие письменности и государственного устройства, в Африке, Океании, Америке и Азии. Эти общества именовали первобытными, примитивными, отсталыми, дикими, архаичными или ранними (см. *Herskovits, 1952*). Впоследствии укрепляется понимание того, что экономическая антропология может помочь в понимании современных обществ – например, блата, неформальной экономики или домашнего производства. В рамках экономической антропологии стали изучать действия, институты и ценности (*Шрадер, 1999. С. 12*), индивидуальную и коллективную жизнь социума в аспекте того как люди, думают, говорят и поступают в рамках производства, потребления и распределения (*Carrier, 2005*). Антропологи берут в фокус элементы современной экономики – деньги, собственность, долг – и теснят экономистов своим более содержательным и убедительным, а порой и задорно-критичным представлением материала².

Экономическая антропология никогда не была единой. В одних текстах превалировало описание в стиле полевого дневника, в других, что встречалось реже, – теоретическое обобщение материала. Идеал – совмещение полевой работы с кабинетными обобщениями. Бронислав Малиновский по многу месяцев жил как туземец на Тробрианских островах в Новой Гвинее, изучив местный язык, обычаи и все, что касалось обмена и торговли (*[1922]2004*). К чистому типу кабинетных антропологов относился Марсель Мосс. В 1925 г., он опубликовал свой известный трактат о даре – *Essai sur le don* (Мосс, 1996), который до сих пор остается классикой экономической антропологии. К принципиального рода спорам можно отнести споры между эволюционистами и функционалистами, субстанционалистами и формалистами.

Важно с современных позиций оценить вклад Зибера в данное направление исследований. Как будет показано, в этой области он во многом опередил такого французского кабинетного ученого как М. Мосс. Вопросы движимой и недвижимой собственности, тотальности отношений, дарообмена, солидарности и кооперации находят отражение в труде Зибера о первобытной экономической культуре. Нас интересуют следующие вопросы: К каким обобщениям он приходит и в какой степени они дополняют Моргана, Ковалевского, Энгельса? Какое значение имеет данный трактат для современной экономической антропологии? Насколько комплексно Зибер подошел к изучению и обобщению материала по истории, праву, социуму и экономике?

В рамках этих общих вопросов на предварительной стадии полезно поставить «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) в контекст биографии Зибера, выявить основу его подхода к первобытной экономической культуре, охарактеризовать и сопоставить с дальнейшим развитием экономической антропологии его воззрения на кооперацию, дарообмен и собственность.

Взгляды Зибера: биографический контекст

Николай Иванович Зибер (1844–1888) известен прежде всего как переводчик Д. Рикардо, русский марксист и один из представителей классической школы политической экономии. Основное внимание зачастую привлекал его главный трактат «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), который развивал идеи диссертации (*Зибер, 1871*). Несмотря на то что теоретическое наследие Зибера не было обойдено вниманием исследователей (*Клейнборг, 1923; Наумов, 1930; Резуль, 1931; Реуэль, 1956; Smith, 2001; White, 2009; Allisson, 2015*) в современном прочтении и дополнительном внимании нуждается вторая не менее значимая крупная работа Зибера – «Очерки первобытной экономической культуры» (1883).

В биографии Зибера эта работа, написанная на русском языке, стала самым большим достижением в его швейцарском периоде. В 1875 г. молодой талантливый Зибер

² Яркий тому пример – книга Гребера (2015) о долге.

увольняется из Киевского университета и уезжает в Швейцарию, на родину отца. В основу работы легли многочисленные отчеты миссионеров, путешественников и ученых, с которыми Зибер знакомился не только в Швейцарии, но и в Британском музее Лондона и Национальной библиотеке Парижа. Трактат дополнял и развивал идеи Маркса в отношении первобытных форм жизни и, будучи написан ранее известной работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), стал первым оригинальным трудом на эту тему в России.

Интерес к изучению первобытной экономической культуры достаточно необычен, особенно в контексте того, что этому сюжету Зибер посвящает объемный трактат в более чем 500 страниц (Зибер, 1883). Автора трудно заподозрить в симпатиях к какому-нибудь племени или региону, его интересуют исключительно универсалии, общие закономерности, с удивительной схожестью проявляемые на разных континентах, в разных географических и исторических условиях. Главный предмет интереса и составляет эта удивительная схожесть. Работа нечетко сфокусирована по времени. Исследуются в ней не только в собственном смысле архаичные общества. Предмет шире – это первобытные, архаичные элементы, которые сохраняются в феодализме и современном обществе. Тем самым, Зибер интересуется этот тип отношений в социуме, экономике, власти, нежели чем сколько-нибудь последовательная история или описание конкретных мест и народов. По всей видимости, такой подход каким-то образом должен соотноситься с его глубокой разработкой вопросов стоимости, ценности, капитала и в более широком ключе марксизма как тотального учения, способного объяснить действительность и историю. Взглянем в этом контексте на эволюцию взглядов Зиберы.

Н.И. Зибер – швейцарский подданный, родился в крымском Судаче, где за ним числились три десятины виноградника. После окончания симферопольской гимназии он поступает в Императорский университет Св. Владимира в Киеве, где в 1868 г. получает степень кандидата законовения. После непродолжительной работы мировым посредником в Волынской губернии Зибер продолжает занятия в университете и в 1871 г. публично защищает магистерскую диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями»³. Благодаря этой работе имя Зиберы становится известно, особенно усиливает интерес к его изысканиям настойчиво благосклонный отклик К. Маркса во втором предисловии к изданию «Капитала» в 1873 г. Зиберу нет тридцати, а его уже рекомендует читать Маркс: «Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита–Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение чисто теоретической точки зрения» (Маркс, 1960. Т. 23. С. 19). К этому замечанию Маркса о последовательной теоретической точки зрения мы вернемся позже.

В 1872–1873 гг. Зибер получает возможность продолжить научные изыскания за границей⁴. Из инструкции профессора Н.Х. Бунге видно, что география и тематика научных занятий предполагались весьма широкие: «Для изучения политической экономии и статистики г. Зиберу следует ознакомиться с преподаванием этих наук в Германии, в особенности в Лейпциге и Берлине. Затем г. Зиберу необходимо ознакомиться с устройством и работами статистических бюро, в особенности в Берлине (Энгель), Вене, Брюсселе, Париже, и если возможно, то и в Лондоне, Копенгагене и других городах, где собирание и разработка статистических данных производится под руководством известных статистиков. Независимо от этих занятий, г. Зиберу следу-

³ Биографические сведения сверены с личным делом Зиберы: Государственный архив г. Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 465. Д. 4759. Л. 81–88.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 158. Дело о командировании Зиберы за границу с научной целью, 1871–1873.

ет, насколько позволит ему время, заняться изучением экономических учреждений в Западной Европе и в Соединенных Штатах, если обстоятельства и денежные средства позволят ему предпринять это путешествие. К предметам таких занятий относятся не только формы промышленного быта вообще, но, в частности, те учреждения, которые имеют целью возвысить уровень благосостояния народа ...»⁵.

В продолжительную командировку Зибер, по одной из версий, едет уже вместе с Надеждой Олимпиевной Шумовой, которая в этот же период начинает обучение химии в университете Цюриха (Creese, 1998). География европейской командировки Зибера весьма широкая: письма в адрес Министерства народного просвещения он пишет из Гейдельберга, Цюриха, Лейпцига, Флоренции, Парижа. Из опубликованного отчета видно, что основное время и внимание Зибер уделяет Швейцарии и Германии; первое время проводит в Гейдельберге и Цюрихе (Зибер, 1873). Зибер достаточно критически оценивает как университетские библиотеки, так и лекции, которые ему удается послушать. В возникшем противостоянии манчестерской школы фритрейдеров⁶ и немецкой исторической школы он в большей степени симпатизирует последней, что не мешает ему не соглашаться с их методологией. Складывается впечатление, что он поддерживает идеи Brentano, Roscher и Knies, что хозяйственная жизнь не исчерпывается только личным интересом. Тем самым особую важность приобретает изучение ассоциаций, общин и других коллективных форм хозяйственной и социальной организации. При этом, в отличие от этих авторов, он в большей степени отдает предпочтение общему и однородному перед локальным и особым, чтобы тем самым отделять существенное от несущественного. Гораздо большее внимание, чем лекциям Зибер уделял посещениям фабрик и изучению учреждений повышения благосостояния народа. Его внимание привлекают потребительские общества, ассоциации кустарей и мелких промышленников. Он лично наблюдал и над тем, как на практике проходит общественное обсуждение в швейцарском кантоне Гларус ревизии федеральной конституции, тем самым познакомился с элементами общинной организации в Швейцарии.

По окончании командировки Зибер работает доцентом кафедры политической экономии и статистики Киевского университета. До конца не известны обстоятельства ухода Зибера из университета и отъезда в Швейцарию в конце 1875 г. Основные интерпретации сводились к тому, что этот уход был своеобразным протестом либо против увольнения Драгоманова, либо против сложившейся в университете атмосферы, не располагающей к свободным и углубленным поискам в науке. Вместе с тем надо отметить, что Зибер проработал доцентом Киевского университета не более трех семестров, поскольку уже 30 апреля 1875 г. уходит в отпуск на три месяца для поездки за границу, а в декабре уже окончательно увольняется и переезжает в Швейцарию.

В Швейцарии Зибер, в отличие от своей жены, не получает какой-то академической позиции и работает преимущественно над текстами статей и рецензий для российских журналов: «Вестник Европы», «Знание», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Слово», «Юридический вестник». В этих статьях Зибер выступает как продолжатель классической политической экономии: популяризирует, разъясняет и защищает учение Маркса, которое дает, по его мнению, «единый и цельный метод исследования в социальных науках».

Встречавшийся с ним в Берне осенью 1877 г. по рекомендации М.П. Драгоманова Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский отмечал превосходные качества Зибера как лектора и оратора, который доступно и с увлечением в беседе с ним разъяснял весьма сложные положения марксизма. Впоследствии они чаще виделись в Париже, где Зибер работал над новой книгой: «В 1881–1882 гг. мы видались нередко в Париже, куда Зибер приезжал заниматься в Национальной библиотеке. Он изучал тогда литературу о дикарях, задавшись целью проследить процесс возникновения правовых

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 158. Л. 22–22 об.

⁶ Курс Бёмерта – апологета фритрейдерства – он нашел совершенно бесполезным для посещения (Зибер, 1873. С. 17).

и этических норм на основе экономических условий так называемой «первобытной культуры». Опять я прослушал ряд импровизированных лекций, представлявших для меня высокий интерес»⁷.

Маркс в письме Н.Ф. Даниэльсону от 19 февраля 1881 г. упоминает о встрече с Н.И. Зибером во время его продолжительной работы в Британском музее: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г-н Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее» (Маркс, 1964. С. 130).

«Очерки первобытной экономической культуры» стали вторым и последним крупным трактатом Зибера. С самого начала Зибер не отличался отменным здоровьем. Болезнь легких заставила его отложить командировку и не явиться лично в Петербург за паспортом и содержанием. Более серьезная болезнь – развивающийся паралич – заставила его вернуться в 1884 г. в Ялту, где он провел последние годы своей жизни. Свой болезненный, нервный и удрученный вид в Париже в 1882 г. Зибер объяснял Д.Н. Овсяннику-Куликовскому политической ипохондрией: «Хоть я и швейцарский гражданин, говорил он, но что ничуть не помешает русскому правительству посадить меня в тюрьму, а то, пожалуй, и повесить ... Да просто за направление, за образ мыслей, за дружбу с Драгомановым, за знакомство с эмигрантами»⁸.

Поразительно, но архивные документы свидетельствуют, что эти подозрения были далеко не беспочвенными. Согласно телеграмме Департамента полиции от 19 июля 1881 г. Н.И. Зибер был назван «видным деятелем социально-революционной партии за границей» и его предписывалось «в случае проезда обыскать, арестовать и телеграфировать Департаменту»⁹. Благоклонное отношение Маркса к диссертации Зибера сказалось и на том, что «Очерки» вошли в обиход текстов, которые читали в рабочих кружках с пропагандистскими целями. Негласный надзор полиции был снят только после его смерти в 1888 г.¹⁰

Именно в швейцарский период Зибер активно работает над новой книгой по первобытной экономической культуре. Не до конца понятно, почему Зибер берется за столь редкий и необычный сюжет? К этому времени он создал себе репутацию теоретика-экономиста высокого уровня, который смог показать цельное развитие классической политической экономии и блестящее понимание Рикардо и Маркса. Исторический и диалектический подходы к социально-экономическим явлениям Маркса провоцируют на поиск происхождения институтов. Уяснение первичных форм общежития позволяет приоткрыть завесу грядущего общественного строя, когда будут упразднены частная собственность и эксплуатация. Обращением к первобытному обществу Зибер предвосхищает известную работу Энгельса. Кроме марксисткой линии, немаловажно и то, что при всем обилии записок и заметок путешественников в разных регионах мира к концу 1870-х гг. так и не появляются социально-экономические обобщения этих разрозненных сведений. Тем самым Зибер как заполняет лауну в марксистском учении, так и намечает важные обобщения, которые впоследствии сформируют такую область знаний, как экономическая антропология.

Отзывы и оценки «Очерков»

«Очерки первобытной экономической культуры» вышли в издательстве известного мецената и благотворителя, прихожанина Рогожского кладбища Кузьмы Терентьевича Солдатенкова. Наиболее обстоятельная рецензия вышла в «Отечественных записках». Н.К. Михайловский отмечал, что книга заполняет пробел во всемирной научной литературе и содержит тщательный разбор материала о неисторических расах. В качестве критики было отмечено, что в книге беспорядочно смешены эпохи и факты, не хватает

⁷ См. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1000. Оп. II. Ед. хр. 996. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 17.

⁹ См. Центральный государственный исторический архив г. Киева (ЦГИАК), 442-834-1. Л. 692 об.

¹⁰ См. ЦГИАК 442-838-14.

типологии: «Набрать из разных мест примеров далеко еще не значит установить тип первобытной экономической культуры, уже потому, что среди этих эпох и мест весьма много совсем не первобытных» (*Михайловский, 1883. С. 244*). Серьезный упрек касался и языка, «который часто бывает неудобопонятен, скорее походя на какое-то неизвестное наречие, прибегающее к русским словам» (*Там же. С. 245*).

Иными словами, от рецензента не ускользает, что Зибер хоть и пользуется схемами эволюционного подхода Моргана, все же не структурирует свою работу в соответствии с четкими критериями различий, скажем, между дикостью и варварством. Разбор элементов первобытной экономической культуры коснулся и Китая, Индии, и европейских народов. Добавим, что Зибер легко переходит от «неисторических рас» к Европе. В этом смысле, взгляд экономиста подталкивает к функциональному подходу, поиск универсалий делает не столь важными различия между различными фазами эволюции.

Л.М. Клейнборт ставил «Очерки» в один ряд с работами Мена (Maine) и Спенсера, но упрекал в излишней абстрактности. С точки зрения методологии Зибер нигде не дал определения «экономической культуры» и границ, отделяющих объект его исследования, за разбором папуасов и чукчей у него следуют Китай, Япония, Египет, что возможно лишь смешав эпохи и факты, как если бы у них был один тип отношений (*Клейнборт, 1923. С. 79–80*). Тем самым, критики упрекали Зиберу в том, за что могла бы похвалить современная экономическая антропология, а именно за то, что он исследовал определенный тип отношений в обществе, которые имеют универсальную природу и элементы которых встречаются во все времена и у всех народов.

В 1923 г., через 40 лет, «Очерки» были изданы в Одессе (*Зибер, 1923*). В обширном предисловии академик Михаил Елисеевич Слабченко уделяет особое внимание связи Зиберу с киевской громадой, его роли в открытии частных высших женских курсов и киевского потребительского общества. Теоретический вклад им оценивается исключительно положительно.

В предисловии московского издания 1937 г. этнограф Павел Иванович Кушнер делал ожидаемые для того времени реверансы в сторону правильности марксистского подхода к первобытной культуре и выявлению элементов первобытного коммунизма (*Зибер, 1937*). Вместе с тем, что немаловажно, Кушнер подметил, что кроме «Капитала», «Зиберу не были известны никакие другие высказывания основоположников марксизма о первобытной истории человечества» (*Зибер, 1937. С. VII*). Упреки в том, что Зибер в «Очерках» недостаточно оценил Моргана и его историческую схему, которую чуть позже использовал Энгельс, объединяют оценку переизданий 1937 и 1959 гг. Профессор Николай Александрович Цаголов в предисловии, озаглавленном «Выдающийся русский экономист Н.И. Зибер», основное внимание уделяет другим произведениям Зиберу и тому тезису, что Зибер был не буржуазным либералом, но неосознанным приверженцем научного социализма (*Зибер, 1959. Т. 1. С. 5–28*). Упомянув «Очерки», Цаголову важно было показать, что в книге доказывалось, что «частная собственность есть продукт исторического развития», что первобытному общественному устройству свойственен демократизм (*Там же. С. 26*).

Все отзывы отмечали введение в научный оборот и обобщение обширного этнографического материала, нечеткость методологии, выражавшуюся в неясном очертании объекта исследования, отход Зиберу от эволюционизма Моргана и весьма ценные обобщения по элементам первобытной экономической культуры.

Универсалии первобытной экономической культуры: *terram incognitum*

Н.И. Зибер ставит вопрос о сравнительном изучении экономической организации и институтов права в первобытных обществах в рамках антропологии, этнографии, лингвистики и религиоведения. С первых же строк он подчеркивает всеобщность и универсальность общинных форм хозяйства и понимает необходимость критики источников, которые противоречат друг другу и вписывают в материал свой европей-

ский опыт: «путешественники сплошь и рядом вносили свои европейские понятия в объяснение чуждых им общественных явлений и открывали феодальные учреждения, королевскую власть, право майората, отцовскую патриархальную власть, право частной собственности на землю и пр. там, где их вовсе не было» (Зибер, 1883. С. 2). Главный вопрос – это проследить изменение и типологию форм общественного производства и потребления, что дает представление о природе политических, юридических, религиозных и умственных явлений.

Какие темы вошли в поле зрения книги Зибера? Это обобщение свидетельств об организации охоты и рыболовства, общих работ по выжиганию лесов, орошению каналов, сооружению домов, о характере отношений, связанных с даром, гостеприимством, движимой и недвижимой собственностью, обменом и властью.

С одной стороны, Зибером движет желание отыскать универсальные принципы, с другой – вся книга на практике состоит из нескончаемой череды разнообразных примеров и подробных выписок. Именно в этом, втором смысле Зибер идет дальше М. Ковалевского (1879). В рецензии на книгу Ковалевского, которая появилась ранее, Зибер указывал: «Нельзя поэтому не пожалеть, что в виду широты своей задачи, автор счел необходимым довольствоваться лишь немногими примерами и вообще держаться сжатости в своем изложении. По нашему мнению, если где нужна не сжатость, а возможная полнота, то именно в области важнейших вопросов общественно-экономической истории, представляющей доселе совершенную *terram incognitam*» (Зибер, 1880. С. 674).

Кроме более полной картины с точки зрения различных примеров, «насыщенное описание» автору удается, Зибер претендует и на представление объективных причин разложения общинного уклада далеко не только в результате конфликта интересов состоятельных и несостоятельных слоев, а также войн и насилия. Одновременная ориентация на полное и насыщенное описание вместе с поиском поразительных универсалий стала доминантой данной книги.

Различные описания приводятся Зибером, чтобы указать на то *общее*, что обнаруживается в различных уголках мира. Характерен итог первой главы «Очерков», указывающий на поразительные черты сходства в кооперации, потреблении и распределении, т.е. на универсалии экономической культуры: «Читатель вероятно обратил уже внимание на то, до какой удивительной степени сходны способы охоты и рыбной ловли первобытного общества во всех частях земного шара, от полюса до полюса. С одной стороны, почти повсюду распространено употребление огня для поджигания кустарников и леса и сгона дичи в общую засаду. С другой, еще более употребительно участие в охоте и рыбной ловле многочисленных групп населения; иногда одного или нескольких племен, с разделением занятий по полу и возрасту, почти без исключения, стремящихся запретить добычу в круг, чтобы таким образом поймать ее» (Зибер, 1883. С. 30).

В дальнейшем остановимся на вопросах кооперации, дара и обмена и отношений собственности в первобытной экономической культуре.

Кооперация и собственность

Политическая экономия в большей степени изучала конкуренцию и капитализм, а не простую кооперацию и предшествовавшие формы организации и производства, на что позднее больше внимания обращали анархисты. На важность разбора теории общественной кооперации Зибер обратил внимание ранее, ставя своей задачей дополнить Маркса включением в рассмотрение предыдущих ступеней экономического развития и описанием общественной кооперации на этих этапах. Разделение труда на более поздних этапах соответствует уже сложной кооперации. Если в главе IX «Разбор теории общественной кооперации» в книге «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Зибер основное внимание посвящает

феодализму и средневековым городам, то в «Очерках» уже первобытным формам кооперации.

Одной из характерных черт первобытной экономической культуры является коллективное сотрудничество, или кооперация. Кооперация труда обуславливает совместное потребление и общую собственность на недвижимое и движимое имущество. Эти формы общественного устройства обрастают институтами, которые потом медленно меняются и переживают сам этот тип организации. Именно этим объясняется привлечение широкого материала, поскольку для подхода Зибер это лишнее свидетельство одних и тех же универсалий, которые долго удерживаются даже при новом общественном строе, существуя уже как рудименты и обломки.

Описывая разные формы организации охоты, Зибер метко противопоставляет разделение труда антагонистическим отношениям, с одной стороны, и простую кооперацию с коллективной организацией – с другой. В рамках простой кооперации не возникает большого разнообразия – каждый член коллектива приобретает схожие умения. Каждый монгол должен уметь быть наездником и оказывать знаки гостеприимства. Многочисленные примеры показывают коллективный характер охоты и рыбной ловли, сам охотник не присваивает себе добычу, всегда происходит перераспределение, которое курируют старейшины.

Охота якутов, юкагиров и тунгусов на диких оленей, гренландцев на тюленей и китов, команчей на бизонов имеет то общее, что осуществляется *сообща*. Коняги ловят морских выдр, команчи ловят бизонов. Бизон для индейца представлял то же, что тюлень для алеута или эскимоса, олень для бурята – «средство прокормления и существования». Их ловили столько, сколько нужно было для выживания и потребления. Распределение происходило согласно распоряжению начальника, с соблюдением равенства и справедливости.

Кооперация в промысле сопутствовала совместному потреблению, охотник зачастую имел право лишь на оговоренную часть добычи, даже если заслуга принадлежала лично ему. В особенности это касалось большой удачи: *«В случае охоты на медведя, которая обыкновенно устраивается волонтерами по вызову одного из шефов и сопровождается соблюдением разных религиозных церемоний, как то: усиленного поста, чернения лиц углем и т.д., если среди убитых животных найдется одно больших размеров и длины, чем прочие, то оно предназначается для торжественного пиршества по возвращении их в деревню и зажаривается целиком. Все остальное мясо разделяется посемейно. Если есть на месте союзники или чужестранцы, им также делается подарок. Если охота была удачна, то приглашаются жители соседних деревень и получают двух или трех животных. Пиршество, на котором съедается большой медведь, дает сам начальник, приглашая на него до 20 человек и соблюдая большие церемонии»* (Зибер, 1883. С. 23). Власть старейшин держалась на определенных правилах, поддерживающих равенство и справедливость. Взаимная щедрость, следование правилам коллективного потребления, церемониальность любого действия – важные аспекты кооперации.

Правила достаточности, к которым впоследствии обращался М. Салинз, приводили к парадоксальному эффекту в коллективном распоряжении свободным временем. Путешественников часто поражал распорядок дня, в котором наряду с охотой, рыбной ловлей и другими работами большое место принадлежало играм, беседам и праздности: *«Никогда одни и те же индийцы не ходили на работу два дня сряду. Остальные, на которых не падала очередь идти на работу, занимались игрою в мяч. В четыре часа пополудни рыбаки возвращались в своих лодках, нагруженных провизией. Тотчас же прекращалась игра в мяч, все отомаки шли купаться в реку и расходились по домам. Женщины и дети разгружали лодки и сносили рыбу к дверям начальников, которые распределяли ее между всеми семействами, смотря по числу членов в них ... За обедом следовало второе купание, а потом наступала ночь и с нею начинались танцы,*

которые оканчивались только в полночь. То же самое повторялось каждый день» (Зибер, 1883. С. 25).

Фиксирование того, что общинное производство и потребление вместе с крайней скудостью запасов дают условное изобилие – не ускользает от Зибера. Свободного времени становится достаточно, лень поражала путешественников своим изобилием: «Лень заходит у туземцев так далеко, что они спят половину своего времени, а остальное проводят сидя, даже если обрабатывают землю ... Если Вы войдете в какой-либо дом, Вы найдете всю семью без дела и очень часто спящую. Просыпаются, чтобы принять Вас, но встают не всегда или ложатся до окончания визита. Если они приходят к Вам с визитом, то им часто случается лечь у Вас и даже заснуть до утра ... Обычная формула вежливости при встрече с кем-либо – *talo e tohe* – здорового сна!» (Зибер, 1883. С. 134). Любопытно, что наличие большего свободного времени – есть очевидная черта сходства первобытной культуры и нового общественного строя, который обозначали как коммунизм.

В контексте вопросов собственности любопытны замечания Зибера относительно конфликта *общинных и частных принципов*. Опираясь на многочисленные свидетельства Зибер показывает возможное превосходство так называемых менее цивилизованных систем общественного хозяйства перед новыми в строительстве каналов, плотин, водопроводов. Когда испанцы завоевали Андалузию, Гранаду, Перу и Мексику, они не смогли развить новую систему орошения, но разрушили старую: «Разрушенный водопровод Тецкоцинко был великим произведением искусства, служившим для снабжения водой больших садов Нецагуалькойотля, которые покрывали большое пространство и возбудили удивление завоевателей, вскоре потом разрушивших их в тех видах, чтобы они не напоминали завоеванным о днях прошлого язычества» (Там же. С. 44–45). В этом смысле Зибер показывает, что прогресс в общественных работах носит далеко не всегда поступательный характер, но часто переход к новой системе землепользования и частной собственности характеризуется регрессом: разрушением системы землепользования и общей гармонии между природой и обществом.

Дар

Самым известным достижением Марсея Мосса как кабинетного ученого стало теоретическое осмысление ритуального дарообмена. Основой стало первичное этнографическое описание кулы в Полинезии (Малиновский) и потлача у североамериканских индейцев (Боас). Мосс характеризует потлач как «тотальную поставку агонистического типа», выделяет социальное значение щедрости, связь дара и кредита, выделяет обязанности дарить, принимать и отдавать. Потлач – это ритуальный пир, игра, испытание, сопровождаемое раздачей подарков, уничтожением имущества и соревнованием в щедрости.

Не сложно увидеть, что кабинетный ученый Зибер приходит к схожим выводам, когда описывает гостеприимство и дарение (Глава V). Гостеприимство – это элемент экономической культуры первобытного общества, оно является не добродетелью, но *обязанностью* и неизменным спутником общинного труда и потребления (Зибер, 1883. С. 131–132). Обратной стороной гостеприимства является воровство, поскольку в пределе ни первое, ни второе не знают идею собственности. Напротив, вор – тот, кто тайне сам съедает добытое мясо (Там же. С. 141). Зибер, подобно Моссу, фиксирует вслед за этнографами обязательность щедрости и гостеприимства.

Во взаимном обмене подарков присутствуют элементы, которые позднее К. Поланьи обозначил как взаимность (реципрокность) и иерархию (перераспределение). Готовность поделиться любой вещью и даже собственными детьми обусловлена в том числе тем, что есть уверенность во взаимности, т.е. в том, что за дар будет еще большее воздаяние, причем сам обмен дарами не имеет точек остановки, он тотален. Второй аспект – перераспределение – проявляется в важной функции начальников, бигменов или ста-

рейшин, которые определяют судьбу добычи и других приобретений племени. Порой нарратив, который представляет читателю Зибер, дает даже больше возможностей для интерпретации, чем более четкие теоретические выводы Мосса. К примеру, Зибер подчеркивает, что взаимный обмен дарами осуществляется без ожидания обмена и эквивалента (*Там же. С. 144*).

Хотя Зибер не был знаком с результатами экспедиции Франца Боаса к североамериканскому племени квакиутлей, поскольку она состоялась уже после выхода в свет «Очерков», но опираясь на свидетельства других этнографов, он достаточно точно воспроизводит особенности потлача. Он опирается в данном случае на свидетельства исследователя Арктики Томаса Симпсона (*Simpson, 1843*), шотландского бизнесмена Гилберта Спрота (*Sproat, 1868*), американского историка и этнолога Хуберта Банкрофта (*Bancroft, 1874*). Единственная задача накопления собственности – это раздача в праздники, проявления щедрости. Во время пиров важно было проявить *равнодушие к богатству* (к примеру, затопив каное), чем больше может человек подарить, тем сильнее его сердце (*Зибер, 1883. С. 148*). Особо подчеркивает Зибер значение социальной иерархии и перераспределения во время пиршества: «Лицо, раздавшее наиболее собственности, приобретает наибольшую славу, и по временам получает голосами племени *высшее достоинство*» (*Там же. С. 149*).

Зибер находит у путешественников и этнографов те свидетельства, которые позволяют сделать близкие Моссу выводы относительно системы дарообмена. Зибер подчеркивает обязательность дара и пира, его тотальный характер, захватывающий все уровни; сам пир является частью ритуала, который в своем постоянном повторении выстраивает иерархию, выявляет наиболее щедрых и достойных. При этом для Зибера важнее связь дарообмена с трудом. Случайный, редкий труд ведет к меньшему богатству, если не к его отсутствию, и дает много свободного времени для лени, праздности, игр, отдыха и просто ничегонеделания.

Экономическая антропология Зибера: вместо заключения

Как сегодня оценить экономическую антропологию Зибера? Не вызывает сомнений, что Зибер разделял основную посылку экономической антропологии, что чистой экономики не существует, но экономика всегда погружена в культурный и институциональный контекст. Обсудим далее его источниковую базу, охарактеризуем его методологический подход, а также наметим его место на карте развития экономической антропологии.

Как мы отмечали, Зибер отводил огромное место обширным извлечениям из первоисточников – преимущественно это заметки путешественников, этнографов, деловых людей и миссионеров, которые столкнулись по разным причинам с туземцами, дикими народами, как их тогда называли. К примеру, только во второй главе он приводит выписки из Виктора Анри де Роша – французского врача, принимавшего участие в экспедициях в Новой Каледонии, острова в Меланезии, до сих пор принадлежащего Франции (*De Rochas, 1882*); Карла Земпера – немецкого зоолога и путешественника, исследовавшего в 1858–1865 гг. Филиппины (*Semper, 1869*); Огюстена Франсуа Сезара де Сент-Илера – французского путешественника и ботаника, в 1816–1822 гг. описавшего мир природы Бразилии (*De Hilaire, 1830*); Иосифа Гумилла – иезуитского миссионера, описавшего природу, общество и географию бассейна реки Ориноко, одной из самых протяженных в Латинской Америке (*Gumilla, 1758*); Карла Германа Конрада Бурмейстера – немецкого энтомолога, в 1850–1852 гг. обследовавшего район Рио-де-Жанейро и Менас-Жерайс (*Burmeister, 1853*). Сотни авторов, которые писали на французском, немецком, английском, испанском вошли в орбиту интереса Зибера. Такой широкий охват источников имел, надо полагать, беспрецедентный характер.

Описывая экономическую культуру, Зибер сознательно многократно расширяет задачу и обращается к письменным цивилизациям Китая, Индии, Европы. В исторических книгах он выявляет те факты, которые могут касаться рудиментов, обломков

первобытной экономической культуры, т.е. активно использует культурную историю. Особенно это касается традиционных общинных форм, которые еще встречаются с небольшими изменениями на больших территориях. В этом смысле, сохранившийся кое-где общий стол, совместное содержание собственности, примеры общинной жизни также интересуют исследователя. К примеру, в третьей главе изучение роли общины ведется по всем предшествующим эпохам и распространяется на все континенты, включая самый центр Европы – Францию, Германию. За этим описанием проглядывает симпатия, удивление прежде всего по отношению к тотальности этого явления, которое встречается решительно во всех уголках Земли и культурах. Из этого описания ясно, что частная собственность – лишь небольшой миг в истории большинства народов. Кроме Новой Зеландии, острова Юкатан, Новой Гвинеи, Мексики, Перу, Бразилии, Сьерра-Лионе, Явы, Зибер включает обширное описание общественных земельных работ в Китае, а также примеры из общинной жизни в России, Сербии, Грузии (*Зибер, 1883. С. 84–88*).

Зибера критиковали за то, что он не следовал эволюционной схеме Моргана, которую Энгельс взял за основу, за то, что он не стал изучать только первобытные народы или эпоху первобытного строя, за то, что нигде не дал четкого определения экономической культуры. Это трудно отрицать. Вместе с тем, как это часто бывает, недостатки оборачиваются неожиданными преимуществами. Так, Зибер, подобно современным антропологам, не делает принципиального разделения между современностью и первобытностью. Главный интерес представляют отношения собственности, характер труда и различные институты, которыми они обрастают. В этом смысле было бы точнее говорить, что задачей Зибера было исследование элементов первобытной экономической культуры в том числе в их остаточной, рудиментарной форме. Зибер хотя не дает определения экономической культуре, но из его повествования ясно, что речь идет о совместном исследовании экономики, социума, ритуалов, институтов и верований. Не давая четкого определения, Зибер имеет возможность в разных главах то расширять, то суживать свой интерес к исследуемому материалу.

Данный подход Зибера, который можно характеризовать как междисциплинарный, расширяет объект исследования, но достаточно точно фиксирует структуру и дает аналитические преимущества. Рискнем со всей условностью предположить, что Зибер будет ближе к функциональному, чем к доминирующему в XIX в. эволюционному подходу в антропологии. Его аналитический подход, имеющий неявную преемственность с марксизмом, пожалуй, ближе к субстантивизму К. Поланьи. Во всяком случае, такие элементы общей системы, как реципрокность (отношения симметрии) и иерархия (перераспределение) он периодически выделяет как ключевые в понимании архаичного обмена и всей системы организации.

С точки зрения интеллектуальной истории, важно дополнительно проследить становление Н.И. Зибера как классического политэконома, обстоятельства его эмиграции в Швейцарию, где его главным вкладом в науку стали «Очерки первобытной экономической культуры», часто переиздаваемые, но еще до конца не оцененные и не поставленные в контекст развития экономической антропологии. Данная работа представляет один из предварительных шагов в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Гербер Д. (2015). Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Зибер Н.И. (1871). Теория ценности и капитала Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и разъяснений. Киев.
- Зибер Н.И. (1873). Отчет магистра политической экономии Николая Зибера о пребывании с января по октябрь 1872 года. *Университетские известия*, август, № 8. Киев.
- Зибер Н.И. (1880). Рецензия книгу на М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» // *Юридический вестник*, август, с. 673–692.

- Зибер Н.И.* (1883). Очерки первобытной экономической культуры. М.: Издание К.Т. Солдатенкова.
- Зибер Н.И.* (1923). Очерки первобытной экономической культуры. Со вступ. статьей М.Е. Слабченко. Одесса: Гос. из-во Украины.
- Зибер Н.И.* (1937). Очерки первобытной экономической культуры. С пред. П. Кушнера. М.: ГСЭИ.
- Зибер Н.И.* (1959). Избранные экономические произведения в двух томах. С пред. Н.А. Цаголова. М.: Из-во социально-экономической литературы.
- Зуев Г.* (1898). Памяти Н.И. Зибера // *Одесские новости*, 29 апреля, № 4269.
- Ковалевский М.* (1879). Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Часть первая. М.: Типография Миллера.
- Малиновский Б.* (2004). Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН.
- Маркс К., Энгельс Ф.* (1960). Сочинения, второе издание. М.: ГИ Полит. лит-ры, т. 23.
- Маркс К., Энгельс Ф.* (1964). Сочинения, второе издание. М.: ГИ Полит. лит-ры, т. 35.
- Михайловский Н.К.* (1883). Новые книги: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры // *Отечественные записки*, № 12, декабрь, с. 241–245.
- Мосс М.* (1996). Очерк о даре // *Общества. Обмен. Личность*. М.: Восточная литература.
- Наумов Д.Б.* (1930). Николай Иванович Зибер. Харьков: «Пролетарий».
- Резуль Я.Г.* (1931). Н.И. Зибер (библиография) // *Каторга и ссылка*, № 7, с. 132–174.
- Реуэль А.Л.* (1956). Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М.: Госполитиздат, с. 287–342.
- Салинз М.* (1999). Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Цаголов Н.А.* (1953). К характеристике экономических взглядов Н.И. Зибера // *Вопросы экономики*, № 9.
- Шрадер Х.* (1999). Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Энгельс Ф.* (1989). Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Из-во политической литературы.
- Эриксен Т.Х.* (2014). Что такое антропология? М.: ИД ВШЭ.
- Allisson F.* (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920. London: Routledge (Routledge Studies in the History of Economics no 173).
- Bancroft H.* (1874–1875). The Native Races of the Pacific States, vols. 1–5. London.
- Burmeister* (1853). Reise nach Brasilien. Berlin.
- Carrier G.J.* (ed.) (2005). *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Creese M.* (1998). Early women chemist in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // *Bulletin for the History of Chemistry*, № 21, pp. 19–24.
- De Hilaire A.* (1830). Voayge au Brésil. Partie, I. Paris.
- De Rochas V.* (1882). La Nouvelle Calédonie. Paris.
- Guelfat I.* (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N.I. Ziber // *L'homme et la société*, no. 17(1), pp. 141–148.
- Gumilla J.* (1758). Histoire de l'Orénoque. Avignon.
- Herskovits M.* (1952). Economic Anthropology. A study in Comparative Economics. N.Y.: Alfred Knopf.
- Maine H.S.* (1874). Lectures on early history of institutions. London.
- Semper K.* (1869). Die Philippinnen und ihre Bewhner. Würzburg.
- Sieber N.I.* (2011). Marx's economic theory // *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 27, pp. 155–190. Transl. by J.D. White.
- Simpson Th.* (1843). Narrative on the discoveries on the North coast of America. London.

Smith D.N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, no. 19, pp. 47–66.

Sproat G.M. (1868). *Scenes and Studies of savage life*. London.

White J.D. (2009). Nikolai Sieber: The First Russian Marxist // *Revolutionary Russia*, no. 22(1), pp. 1–20.

REFERENCES

Engels F. (1989). *The Origin of the Family, private property and the state*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ. (In Russian.)

Eriksen T.H. (2014). *What is anthropology?* Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russian.)

Gerber D. (2015). *Debt: the first 5,000 years of history*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Kovalevsky M. (1879). *Communal land ownership: the causes, course and consequences of its decay. Part one*. Moscow: Miller typography. (In Russian.)

Malinowski B. (2004). *Argonauts of the Western Pacific*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Marx K. and Engels F. (1960). *Works, second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury Publ., vol. 23. (In Russian.)

Marx K. and Engels F. (1964). *Works, second edition*. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury Publ., vol. 35. (In Russian.)

Mauss M. (1996). *Essay on the gift. Society. Exchange. Personality*. Moscow: Eastern Literature Publ. (In Russian.)

Mikhailovsky N.K. (1883). New books: Sieber N.I. «Essays on Primitive Economic Culture». *Otechestvennye zapiski*, no. 12, December, pp. 241–245. (In Russian.)

Naumov D.B. (1930). *Nikolai Sieber*. Kharkov: Proletarian Publ. (In Russian.)

Reuel A.L. (1956). *Russian economic thought 60–70-ies of the XIX century and Marxism*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 287–342. (In Russian.)

Rezul' Ya.G. (1931). N.I. Sieber (bibliography). *Katorga i ssylka*, no. 7, pp. 132–174. (In Russian.)

Sahlins M. (1999). *The Stone Age Economics*. Moscow: OGI Publ. (In Russian.)

Schrader H. (1999). *Economic anthropology*. St. Petersburg: Oriental Studies. (In Russian.)

Sieber N.I. (1871). *The theory of value and capital of Ricardo with some of the later additions and clarifications*. Kiev. (In Russian.)

Sieber N.I. (1873). *The Report of Nikolai Sieber, Master of Political Economy, on his stay abroad from January to October 1872*. *Universitetskie izvestiya*, August, no. 8. Kiev. (In Russian.)

Sieber N.I. (1880). *Review of a book of Kovalevsky «Community land tenure, causes, course and consequences of its expansion»*. *Yuridicheskii vestnik*, August, pp. 673–692. (in Russian)

Sieber N.I. (1883). *Essays on the Primitive Economic Culture*. Moscow: K.T. Soldatenkov Publ. (In Russian.)

Sieber N.I. (1923). *Essays on the Primitive Economic Culture*. Odessa. (In Russian.)

Sieber N.I. (1937). *Essays on Primitive Economic Culture*. Moscow. (In Russian.)

Sieber N.I. (1959). *Selected economic works in two volumes*. Moscow: Izdatelstvo socialno-ekonomicheskoy literatury Publ. (In Russian.)

Tsagolov N.A. (1953). *On the economic views of N.I. Sieber*. *Problemy ekonomiki*, no. 9. (In Russian.)

Zuev G. (1898). *In memory of N.I. Sieber*. *Odesskie novosti*, April 29, no. 4269. (In Russian.)

Allisson F. (2015). *Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920*. London: Routledge (Routledge Studies in the History of Economics no 173).

- Bancroft H.* (1874–1875). *The Native Races of the Pacific States*, vols. 1–5. London.
- Burmeister* (1853). *Reise nach Brasilien*. Berlin.
- Carrier G.J.* (ed.) (2005). *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Creese M.* (1998). Early women chemist in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova. *Bulletin for the History of Chemistry*, no. 21, pp. 19–24.
- De Hilaire A.* (1830). *Voayge au Brésil. Partie, I*. Paris.
- De Rochas V.* (1882). *La Nouvelle Calédonie*. Paris.
- Guelfat I.* (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N. I. Ziber. *L'homme et la société*, no. 17(1), pp. 141–148.
- Gumilla J.* (1758). *Histoire de l'Orénoque*. Avignon.
- Herskovits M.* (1952). *Economic Anthropology. A study in Comparative Economics*. N.Y.: Alfred Knopf.
- Maine H.S.* (1874). *Lectures on early history of institutions*. London.
- Semper K.* (1869). *Die Philippinnen und ihre Bewhner*. Würzburg.
- Sieber N.I.* (2011). Marx's economic theory. *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 27, pp. 155–190. Transl. by J.D. White.
- Simpson Th.* (1843). *Narrative on the discoveries on the North coast of America*. London.
- Smith D. N.* (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, no. 19, pp. 47–66.
- Sproat G.M.* (1868). *Scenes and Studies of savage life*. London.
- White J.D.* (2009). Nikolai Sieber: The First Russian Marxist. *Revolutionary Russia*, no. 22(1), pp. 1–20.